

Мир становится другим

Глубокие и ускоряющиеся изменения в мировой политике после окончания "холодной войны" стали общепризнанным явлением современного политического процесса, многих научных разработок и политических документов. Совершается, как подчеркивал Генри Киссинджер, замена международной системы, появившейся в результате Вестфальского мира, на новую систему. Последняя, по признанию аналитиков, является гораздо более сложной, динамичной, неустойчивой и намного менее предсказуемой, чем существовавшая в годы "холодной войны". В международных отношениях постоянно появляются новые факторы неопределенности и глубоких перемен, распадаются старые и появляются новые, подчас неожиданные взаимосвязи, возникают новые оси и узлы противоречий, меняются стратегические парадигмы. Формируется плотная транснациональная политическая и экономическая среда, в том числе усиливаются наднациональные структуры, механизмы и институты. Все чаще стирается грань между международной и внутренней политикой. Набирает инерцию имплементация норм международного права в национальные правовые системы, что вызывает необходимость международного мониторинга за соблюдением этих норм.

Особое воздействие на сложившуюся в последние годы систему международной безопасности оказали события в Южной Осетии. Для России 8 августа 2008 года по своей значимости стало тем же, что для США 11 сентября, так как утратились последние иллюзии о системе безопасности в современном мире. Как неоднократно отмечал президент Д.А.Медведев, "существующая до 8 августа архитектура международной безопасности доказала свою слабость". Акт агрессии Грузии против Южной Осетии и последующее принуждение агрессора к миру со стороны российских миротворцев вызвали кризисный рецидив во всей системе международных отношений. С одной стороны, казалось, что демократические страны мира должны были поддержать стремление России спасти целый народ от геноцида. С другой – случилась парадоксальная ситуация, когда эти силы фактически стали на сторону агрессора.

Отношение к нынешней фазе эволюции мировой политики было подготовлено несколькими конкурирующими концепциями, претендующими на объяснение и прогнозирование происходящих перемен. В первой половине 1990-х годов всеобщее внимание привлекла теория "столкновения цивилизаций", предложенная Самуэлем Хантингтоном. Сегодня она переживает своеобразный ренессанс. С ее помощью пытаются объяснить мощный всплеск международного терроризма в начале XXI века, примером чему явились события в Индии в конце 2008 г.

Широкое распространение получила концепция "однополярного мира". В известной мере ей противостоят неолиберальные взгляды, предполагающие постепенное растворение национальных государств в "постнациональных" процессах и институтах. Одни исследователи с надеждой, другие – с острой тревогой говорят о гипотетическом становлении глобальной "либеральной империи" с центром в Соединенных Штатах. Наконец, в происходящих изменениях подчас видят глубокую, но хаотическую реструктуризацию мировой политики, в которой до сих пор не обозначились сколько-нибудь устойчивые тренды развития.

Чаще всего переменны, происходящие в мировой системе, объясняют глобализацией. Этот термин прочно вошел в современный политический и научный лексикон. Глобализации посвящены тысячи книг, увидевших свет в последнее десятилетие. Многие российские и зарубежные исследователи справедливо отмечают, что глобализацию невозможно остановить, поскольку она порождается в основе своей глубокими необратимыми сдвигами в международном разделении труда и механизмах воспроизводства. Вместе с тем, единого понимания сути этого явления и его основных проявлений до сих пор нет. Скорее всего, речь идет о совокупности происходящих как параллельно, так и во взаимодействии друг с другом изменений, глубоко затрагивающих мировую экономику и политику. Одни из этих изменений проявились достаточно отчетливо, другие – только намечаются.

В частности, предметом дискуссий является вопрос о судьбе национального государства и роли национального суверенитета в условиях глобализации. Некоторые исследователи полагают, что уход в

прошлое Вестфальской системы международных отношений, основанной на примате национального государства, абсолютном государственном суверенитете и *raison d'etat*, автоматически – или, по крайней мере, полуавтоматически – влечет за собой отмирание национального государства и отказ от государственного суверенитета в пользу наднациональных институтов. Этот вывод представляется, по меньшей мере, преждевременным. Даже в Европе, где в рамках Европейского Союза формируются достаточно эффективные интеграционные институты, государства не отмирают и не спешат отказываться от своего суверенитета. Но в то же время наднациональные и транснациональные организации и институты играют все большую роль в мировой политике и экономике. Вместе с национальными государствами они образуют усложняющуюся систему действующих на международной арене субъектов, между которыми распределяются ответственность, властные полномочия и суверенитет.

Есть и другие стороны проблемы. Абсолютизация государственного суверенитета нередко используется, например, тираническими правящими кликами для предотвращения международного вмешательства в целях пресечения нарушений прав человека, массовых репрессий и геноцида, как это произошло в Южной Осетии. Как отмечал президент Д.Медведев, "южноосетинская трагедия наглядно показала, что и в наши дни существуют отвязанные политики, чьи действия являются серьезной угрозой для международного правопорядка и стабильности".

Вместе с тем, создание международных режимов, надежно предотвращающих распространение оружия массового уничтожения или позволяющих эффективно бороться с международным терроризмом, предполагает перераспределение суверенитета в пользу международных структур. Встает вопрос: как быть с государствами, которые, создавая оружие массового уничтожения, бросают вызов мировому сообществу, оправдывая свои действия интересами национальной безопасности? Возникла также и необходимость регулирования транснациональных процессов в мировой экономике.

Это, однако, лишь отдельные примеры, иллюстрирующие более общую ситуацию. Ее суть в том, что обеспечение международной стабильности и безопасности в условиях начала XXI века предполагает создание эффективных, обладающих немалыми полномочиями международных организаций и определенное ограничение национального суверенитета, причем для различных государств такие ограничения неизбежно серьезно различаются. А это, в свою очередь, невозможно без существенной коррекции существующего международного права, в том числе некоторых его принципиальных основ.

"Теперь, – подчеркивает президент Д.Медведев, – всем нужно подумать о создании новой архитектуры безопасности, которая опиралась бы на международное право, недопустимость конфликтов и недопущение доминирования какого-либо одного государства, возложившего на себя функцию по формированию единого миропорядка".

Таким образом, применительно к политической сфере международной жизни стоят ряд острых и сложных вопросов. Политики и ученые осознают эти вопросы и ищут на них ответы. Однако поиски пока не дают ясной и принятой мировым сообществом концепции.

В экономической сфере глобализация обрела относительно более отчетливые и определенные черты. Как представляется, ее результатом – или, возможно, важнейшим проявлением – являются два основных процесса. Первый – формирование интегрированной, по сути дела, единой хозяйственной системы, охватывающей значительную часть современного мира, в центре которой находятся не только развитые страны Запада, но и такие государства, как Бразилия, Россия, Индия, Китай (страны БРИК). В рамках этой системы сложилась весьма динамичная экономическая среда, открытая для технологических инноваций и стимулирующая их. Второй – возникновение транснационального сектора мировой экономики, по сути дела, неподконтрольного правительствам и законодательным институтам отдельных государств. Он включает в себя сегодня не только мощные транснациональные корпорации с их разветвленными взаимосвязями и

структурами, но и глобальные финансовые потоки, массивные перемещения людей и товаров, коммуникационные и информационные сети.

Глобализация экономики имеет противоречивые последствия. С одной стороны, стирая границы, она ускоряет технологический прогресс, экономическое и социальное развитие, способствует движению технологий, интеллектуальной собственности, информации и квалифицированной рабочей силы, их концентрации для реализации наиболее перспективных проектов. Жизнь дает все больше свидетельств того, что включение в глобализацию стало необходимым условием успешного национального развития, модернизации и повышения эффективности экономических и общественных структур. И наоборот, изоляция от глобальных процессов и институтов, даже частичная, неизбежно оборачивается падением конкурентоспособности, отставанием и, соответственно, оттеснением страны на периферию мировой системы. Это ставит все государства и общества перед все более жестким выбором: либо включиться в глобальные процессы и структуры, адаптироваться к новым условиям, либо обречь себя на отставание и стагнацию.

При этом появляется все больше свидетельств того, что глобализация – отнюдь не панацея, автоматически избавляющая человечество от бед и гарантирующая процветание. Наряду с очевидными позитивными результатами участия в глобализации, обозначились и ее негативные проявления, что проявляется в современных условиях мирового финансово-экономического кризиса. Сюда же следует отнести трудно контролируемое нарастающее перемещение населения из развивающихся стран в экономически развитые регионы. В частности, старение населения в Европе подталкивает массовую миграцию туда из исламских регионов Ближнего и Среднего Востока. Это приводит к формированию нового феномена – крупных социально-этнических групп, находящихся, как правило, на нижних этажах общественной иерархии. Возникает, таким образом, очаг потенциально мощной социально-политической нестабильности и потрясений, поскольку дискриминированное экономическое положение накладывается на этнические и конфессиональные факторы и противоречия. Известны и другие опасные проявления глобализации: быстрое развитие транснациональных преступных и террористических сетей, широкое использование ими современных коммуникационных и информационных систем и так далее.

Одним из наиболее негативных последствий глобализации является усиление и закрепление экономических, технологических и культурных расколов современного мира. Суть в том, что успешное "включение в глобализацию" невозможно без утверждения в экономической и социальной жизни процедур, норм, институтов и механизмов, свойственных той части мира, где ее, то есть глобализации, позитивное влияние проявляется в наибольшей мере. Речь идет, прежде всего, о рыночной экономике, ориентированной на обеспечение конкурентоспособности и модернизацию. С этой целью необходимо достижение баланса между социальной защитой граждан, с одной стороны, и стимулированием индивидуальной инициативы и экономической эффективности – с другой, развитие политической модернизации с целью создания тесной взаимосвязи общества и власти.

В развитых странах Запада ее осуществление заняло целый исторический период. В одних странах он растянулся на столетия, в других – на десятилетия. Но общества, приступающие сегодня к решению соответствующих задач, не имеют в своем распоряжении такого времени. Необходимо не только форсированно утвердить новые нормы, институты и процедуры в политической и экономической жизни, что само по себе весьма трудно, но и преодолеть сопротивление слоев и групп, которые в результате модернизации теряют свой общественный статус или оказываются экономически несостоятельными, вытесняются на обочину социальной системы. В итоге многие страны и общественные группы не могут в обозримое время стать полноценными участниками глобальных процессов и институтов. Это неизбежно приводит к расширению разрыва между теми обществами, которые оказались способными адаптироваться к новой экономической и технологической среде, и теми, которые не способны преодолеть традиционные, а также модернизировать социальные и политические институты. При этом, как отмечают многие видные специалисты, линия разрыва проходит как между различными странами, так и внутри них. Возникает новый устойчивый узел не только экономических, но и – что весьма важно – острых политических

и идеологических противоречий, не поддающихся быстрому разрешению и способных дестабилизировать и международную, и во многих случаях внутривластную ситуацию, как это проявилось в Греции.

Разрыв между обществами и социальными группами, способными и неспособными адаптироваться к глобализации, лишь одно из проявлений сохраняющейся и нередко усиливающейся фрагментации современного мира. Последняя, в сочетании с глобализацией, во многом определяет специфику, в том числе конфликтность, складывающейся на международной арене ситуации.

Глобализация не привела и, видимо, не приведет в обозримое время к тому, что мир станет гомогенным. На деле складывающаяся картина мировой политики крайне сложна. На одном ее полюсе находится группа развитых демократических государств, являющаяся средоточием экономической, технологической и военной мощи. Они объединены общностью основополагающих ценностей и социально-политических институтов, углубляющимся взаимным проникновением и переплетением хозяйственных систем, развитой системой военных и военно-политических структур. Эти факторы обуславливают в данной группе государств высокий уровень солидарности. В частности, несмотря на кризис в трансатлантических отношениях, связанный с войной в Ираке, сохранилось военно-политическое единство Европы и США. Более того, эта группа государств постепенно расширяется, включая в себя страны, в которых успешно реализуются модернизационные процессы. Так, сравнительно недавно членами Европейского Союза и НАТО стал ряд государств Центральной и Восточной Европы. В настоящее время эти страны стараются заявить о себе, хотя бы с точки зрения объектов размещения американских систем ПРО.

На другом полюсе мировой системы находится несколько десятков наименее развитых стран Африки и Азии, в том числе относящиеся к так называемым "рухнувшим государствам". Они не способны обеспечить элементарный правопорядок, предоставить своим гражданам минимальный уровень безопасности, социальной защиты и благосостояния. Многие из них находятся в состоянии перманентной внутренней нестабильности, конфликтов и даже гражданских войн. По сути дела, эти страны, в которых проживает существенная часть населения планеты, исключены из процессов глобализации. Нет оснований ожидать, что в обозримое время они смогут преодолеть отсталость и приступить к социально-экономической модернизации.

Между этими двумя полюсами находится многообразная и подвижная, постоянно меняющаяся совокупность государств, находящихся на разных ступенях социально-экономического развития. Некоторые из них, как, например, Аргентина и Бразилия, по многим показателям вплотную приближаются к группе развитых государств. В процессы экономической, политической и культурной модернизации втягиваются все новые общества и социальные группы. Увеличивается число государств, выбирающих демократический тип политического устройства. Другие страны находятся на начальном этапе экономической и социально-политической модернизации. Особое место в современной международной системе занимают две страны – Россия и Китай. Они обладают огромным потенциалом и одновременно сталкиваются с серьезными проблемами, без решения которых невозможно выйти на передовой уровень мировой системы.

Разрывы в уровнях экономического развития дополняются культурными и цивилизационными различиями. Сегодня мировая система включает в себя не только государства с различными режимами и типами экономического и государственного устройства, но и различные культуры и цивилизации, системы ценностей и идеологии.

И в России, и в развитых странах Запада сложилось практически единодушное представление о том, что после прекращения "холодной войны" существуют три основных группы угроз национальной и международной безопасности. К ним относятся: международный терроризм, распространение оружия массового уничтожения и рост транснациональной преступности, в первую очередь производство наркотиков и торговля ими, а также незаконная торговля оружием, людьми и так далее. При этом особую тревогу вызывает перспектива обретения оружия массового уничтожения террористическими

группировками. Имеются немало признаков, подтверждающих попытки исламских террористических групп, прежде всего аль-Каиды, получить в свое распоряжение ядерное оружие.

Эти угрозы обостряются вследствие появления "рухнувших" государств, а также образования в последнее десятилетие нескольких неподконтрольных легитимным национальным правительствам "серых" зон и районов. В некоторых из них возникли своего рода непризнанные, нелегитимные государства или квазигосударственные образования, другие – просто находятся под контролем преступных группировок. Последние заняты чаще всего наиболее опасными криминальными промыслами – наркобизнесом, торговлей оружием, отмыванием денег и незаконным перемещением людей; там нередко находят убежище международные террористические организации. Благоприятную почву для зарождения и роста террористических и иных преступных группировок создают также локальные и региональные конфликты. В зонах этих конфликтов чаще всего и возникают неподконтрольные законным властям анклавов. В них особенно активно действуют террористические группы, морские и речные пираты, накапливаются экстремистские настроения и движения.

Широкое осознание перечисленных выше угроз, вызовов и опасностей не сопровождается до сих пор выработкой единых представлений о порождающих их причинах, способах и стратегиях борьбы с ними. Расходятся, в частности, представления о том, в какой мере эти угрозы и опасности связаны друг с другом и не является ли их обострение следствием – или проявлением – нескольких фундаментальных особенностей нынешнего этапа развития мира. Так, в декабре прошлого года Совет Безопасности ООН принял уже пятую резолюцию, дающую международно-правовую основу силовым действиям против пиратов у побережья Сомали.

Многие аналитики и политические деятели склонны объяснять подъем актов международного терроризма, главным образом неурегулированностью конфликта между арабскими странами и Израилем. Если такая точка зрения справедлива, то разрешение этого конфликта должно практически автоматически устранить причины исламского терроризма и привести к его затуханию. Стремление Ирана обрести ядерное оружие нередко связывают с наличием ядерного оружия у Израиля и Пакистана. Нейтрализация большинства угроз и вызовов международной и национальной безопасности может быть в основном достигнута в результате политического урегулирования нескольких региональных конфликтных ситуаций.

Разумеется, нельзя не замечать взаимосвязи между угрозами, типичными для начала XXI века, и региональными конфликтами. Например, лозунг борьбы с Израилем является мощным инструментом, который используется экстремистскими кругами исламского мира для мобилизации масс и привлечения их на свою сторону. Распространение оружия массового уничтожения имеет место, прежде всего, в регионах, отличающихся высоким уровнем конфликтности.

Вместе с тем, невозможно игнорировать несколько факторов глобального масштаба, которые придают названным выше угрозам и вызовам новый, гораздо более опасный масштаб, в известной мере меняют их социальную природу. Широкое распространение получило, в частности, представление о том, что накопление нищеты и отсталости в ряде районов третьего мира и отсутствие реальных перспектив их преодоления в обозримый исторический период порождают и будут порождать конфликт по линии "Север-Юг". Иными словами, предполагается, что наличие огромных масс неимущего населения, дискриминированного по отношению к жителям развитых регионов мира, выливается в новое глобальное противоборство, своего рода "глобальную гражданскую войну" имущих и неимущих. К сожалению, в этих взглядах немало справедливого. Массовая нищета в ряде районов Азии, Африки и Латинской Америки действительно оказывает серьезное дестабилизирующее воздействие на мировую политику. В частности, многие террористические, левацкие и иные радикальные деструктивные силы и движения охотно спекулируют на сложившейся ситуации и используют лозунг борьбы с "эксплуатацией народов третьего мира" для раскачивания политической и экономической ситуации в зонах своей деятельности.

Вместе с тем, нищета и отсталость в "третьем мире" – лишь один из факторов глобальной нестабильности. Нельзя не заметить при этом, что наиболее пораженные нищетой регионы, например, Тропическая Африка, за отдельными исключениями, оказывают сравнительно небольшое воздействие на мировую политику. Страны этого и некоторых других подобных регионов, по сути дела, находятся "вне глобализации", а социальная модернизация там практически не начата. Раздирающие их гражданские и межплеменные войны, выливающиеся порой в геноцид тех или иных этнических или религиозных групп, не перерастают в международный терроризм и мало связаны с процессами, определяющими сегодня основное содержание мировой политики.

Однако особое значение в начале XXI века приобрела группа развивающихся стран, достаточно глубоко вовлеченных в мировую экономику и политику и в основном расположенная географически вблизи развитой части Евразии. Речь идет о поясе исламских государств, протянувшемся от Северной Африки до Юго-Восточной Азии. Эти страны оказались в своеобразной "ловушке модернизации". С одной стороны, в них начались, в одних уже сравнительно давно, в других – недавно, процессы модернизации социальных и правовых норм, политических институтов и процедур, вообще, всей системы социальных отношений. Это необходимое условие развития и преодоления отсталости. С другой – модернизация неизбежно снижает статус и, более того, подрывает сами основы существования социальных слоев и групп, связанных с традиционными секторами экономики и общественными институтами.

Естественно, со стороны этих групп, в том числе традиционных элит, возникает сопротивление модернизации. Идеологической основой неприятия нынешнего положения вещей становятся идеализация прошлого, представление о социальных изменениях как о моральной деградации. Ситуация усугубляется высокими темпами изменений, что еще более затрудняет адаптацию к ним.

Положение осложняется демографической структурой "третьего мира", в которой преобладают молодые возрастные группы. Многие молодые люди, в том числе получившие образование, не могут найти занятие, соответствующее их социальным ожиданиям, и пополняют маргинальные слои. Последние являются средой, в которой экстремистские движения, за которыми подчас стоят традиционные элиты, вербуют сторонников, в том числе исполнителей террористических актов. В этой среде активно действуют связанные в транснациональные сети организации, представляющие собой своего рода "тыловой эшелон" современного терроризма и формирующие его агрессивную идеологическую доктрину.

В рамках этой доктрины развитый мир в целом и, особенно, лидирующие в нем страны воспринимаются как средоточие зла и угрозы, как источник насилия, разрушающего привычные установления и условия жизни. Противодействие ему объявляется священным долгом, а силовые акции, в том числе террористические, – оправданным, а в ряде случаев и единственным средством борьбы. Как и их исторические предшественники левого толка, вожди нынешних экстремистских организаций используют террор как доказательство своей несокрушимой силы и, что еще важнее, как средство мобилизации сторонников и рекрутирования новых приверженцев. Видный французский исследователь исламизма Жиль Кепель справедливо писал:

«Переход к насилию как способу мобилизации сторонников отнюдь не нов для радикальных организаций, и в этом отношении исламисты не являются первооткрывателями. Два десятилетия ранее, когда коммунистическая идеология начала утрачивать свою привлекательность ... возникли итальянские "Красные бригады", немецкая "Фракция Красной Армии" и организация Карлоса. Для этих формирований терроризм представлял идеальное средство нанести противнику ощутимый урон. Вдохновители массового террора надеялись таким образом пробудить революционную сознательность масс, привлечь их на свою сторону с помощью известного механизма "провокация — революция"».¹

В итоге терроризм становится фактором глобального масштаба. В последние годы объектами жестоких террористических атак со стороны воинствующих радикальных исламистов стали США, Израиль, ряд европейских государств и Индия. Настоящая террористическая война в конце XX столетия была навязана России. Жертвами террористов являются также многие государства мусульманского мира. Но главное в

другом. Активные боевые террористические организации и сети – лишь своего рода "верхушка айсберга". Его основную массу составляют многочисленные идеологические структуры и финансовые организации, за которыми стоят традиционные элиты ряда стран. Складывается система координации действий исламских и левацких террористических движений. Возник своего рода "террористический интернационал", организованный сетевым образом. В свою очередь, военная машина и правоохранные ведомства развитых стран не приспособлены пока для борьбы с многочисленными, рассредоточенными, организованными на этно-конфессиональной основе, религиозно мотивированными диверсионными сетями и группами. Неспособность отдельных государств и международного сообщества в целом предотвратить дальнейшее распространение оружия массового поражения и справиться с международным терроризмом может иметь весьма тяжелые последствия.

Если в ближайшие годы не удастся остановить нарастание терроризма, то правительства государств, ставших его жертвой, и международные институты, в том числе ООН, продемонстрируют свою беспомощность. А это чревато политической неустойчивостью. Бессилие власти позволит экстремистским группировкам стать центром притяжения антисистемных движений, расшатать демократические механизмы, вызвать столкновения и гражданские конфликты. Собственно, это и является целью современного международного терроризма, рассчитывающего на волне хаоса и насилия остановить неизбежные процессы модернизации и глобализации, создать некий "всемирный халифат".

Неурегулированные региональные кризисы и конфликты; нищета и отсталость, поразившие обширные регионы; неизбежные издержки глобализации и модернизации; массовые миграции населения; подъем экстремистских движений; распространение оружия массового уничтожения определяют нестабильность мировой политики. Но это – не единственные проявления угроз, с которыми сталкивается современное человечество. Беспокойство вызывают также неясные и потенциально опасные последствия научно-технического прогресса, особенно когда речь идет об исследованиях в области биотехнологий и искусственного интеллекта. Нельзя исключать, что темпы технологических и экономических изменений превысят способность общества адаптироваться к ним.

Источником угроз становится также политический, культурный и экономический плюрализм современного мира. Действительно, различные системы ценностей и политические культуры далеко не всегда мирно сосуществуют друг с другом. Напротив, история международных отношений, в том числе история XX века дает немало примеров того, как конфликты несовместимых ценностей и идеологий порождали конфликты политические, а последние часто перерастали в вооруженные столкновения и войны. Собственно, и вторая мировая война, и последовавшая за ней "холодная война", постоянно выливавшаяся в многочисленные локальные войны в периферийных районах биполярной международной системы, были порождены в основе своей столкновением принципиально несовместимых идеологий, антагонистических ценностей и общественных систем. И поэтому, стянутая в единое целое узами глобализации комбинация традиционных обществ и обществ, которые входят, по сути дела, в постмодернистский период развития, обладает мощным дестабилизирующим потенциалом.

В целом же, многие исследователи приходят к выводу о том, что первые десятилетия XXI века будут периодом тяжелого кризиса, конечный итог которого непредсказуем. Впереди видится длительный, растягивающийся, возможно, на десятки лет переходный период. Так, видный американский социолог Иммануэль Валлерстайн писал:

«...Современная миро-система как система историческая вступила в стадию завершающегося кризиса и вряд ли будет существовать через пятьдесят лет. Однако, поскольку результаты кризиса не могут быть определены заранее, мы не знаем, станет ли пришедшая на смену новая система (или системы) лучше или хуже той, в которой мы живем ныне. Но что мы действительно знаем — это то, что переходный период будет грозным временем потрясений, поскольку цена перехода крайне высока, его перспективы предельно неясны, а потенциал воздействия небольших изменений на итоговый результат исключительно велик».²

Военное отставание Европы от США предопределяет заинтересованность европейского истеблишмента в политических методах урегулирования конфликтных ситуаций и нейтрализации угроз. И это понятно. Ориентация на использование военной силы неизбежно ведет к усилению влияния США как наиболее мощной в военном плане страны современного мира. Сохраняются и другие источники разногласий между США и европейскими странами относительно путей обеспечения международной безопасности. Определенную роль в этом играют антиамериканские настроения части европейского общественного мнения.

Нельзя игнорировать различия в стратегических культурах, типичных для Европы и для США. Для европейской политической культуры, сформировавшейся во второй половине XX века, характерно тяготение к политическим соглашениям и компромиссам, "умиротворению" режимов, являющихся источниками угрозы. Военная сила, полагают многие европейские политические деятели и аналитики, не устраняет угрозы, порожденные ростом экстремизма в исламском мире. Последний, считают они, может быть предотвращен экономической помощью, искоренением бедности и утверждением социальной справедливости.

При всей своей значимости расхождения стратегических культур не привели, даже в условиях трансатлантического кризиса, вызванного войной в Ираке, к распаду военно-политических связей США и европейских государств. И это, как представляется, связано с тем, что указанные расхождения относятся не к базовым ценностям, но к средствам их реализации. В итоге не только сохраняется возможность трансатлантического сотрудничества в сфере международной безопасности, но возникает перспектива разумного "разделения ответственности" между США и европейскими государствами.³

Растущую роль в формирующемся глобальном военно-политическом ландшафте XXI века играет Китай. Это объясняется и его огромным демографическим весом, и быстро растущей экономикой, и ключевым местом в геополитической структуре Азиатско-Тихоокеанского региона. Бесспорно, конструктивное участие Китая в противодействии международному терроризму и распространению оружия массового поражения стало бы важным фактором успеха в упрочении стабильности и безопасности на мировой арене. Китай, как и многие другие ведущие страны современного мира, стал объектом действий исламских террористических организаций, которые дестабилизируют политическую ситуацию, прежде всего в Синьцзяне. В силу этого, в последние годы Китай все более активно участвует в антитеррористической деятельности в Центральной Азии. Менее ясным является подход Китая к вопросам нераспространения оружия массового уничтожения. Но, главное, все же - в другом. Внешняя и военная политика Китая складывается под влиянием разнонаправленных факторов.

Китай, бесспорно, заинтересован в обеспечении внешних условий, необходимых для поддержания высоких темпов экономического роста, модернизации народного хозяйства и армии. Развитые западные страны, прежде всего США, являются главным источником инвестиций, достигающих с конца прошлого десятилетия пятидесяти миллиардов долларов в год, а также передовых технологий. Эти же страны являются главными рынками быстро растущего китайского экспорта. Китай все более активно, последовательно и целенаправленно "включается в глобализацию", становится влиятельной силой, действующей в мировой экономике. Это предопределяет прагматическое начало в его внешнеполитической стратегии.

Вместе с тем, имеется немало признаков того, что линия Китая на мировой арене по-прежнему складывается под влиянием концепций и взглядов, сформировавшихся в период правления Мао Цзэдуна, а также выработанных на протяжении нескольких тысячелетий существования страны в качестве могущественной азиатской империи. Сочетание традиционных имперских умонастроений с непреодоленной коммунистической идеологией обуславливает великодержавные элементы китайской стратегии. Последняя, в частности, находит свое выражение в стремлении к региональному доминированию. Противоречивый характер внешней политики Китая связан также со спецификой внутреннего развития страны. Формирование рыночной экономики привело к появлению многочисленных групп, заинтересованных в широком вовлечении страны в мировую экономику, а также в трансформации политической системы,

постепенном становлении демократических процедур и институтов. Вместе с тем, и в китайском обществе, и в политическом классе Китая имеются значительные группы и слои, трудно адаптирующиеся к рыночным преобразованиям. Эти группы с озабоченностью воспринимают растущую вовлеченность страны в мировую экономику, опасаются, что рано или поздно демократизация политической системы обернется крупномасштабной дестабилизацией. Для них Соединенные Штаты по-прежнему остаются потенциальным противником, с которым Китай в ближайшие десятилетия столкнется в острой борьбе за влияние в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Таким образом, будущее китайской внешней политики неразрывно связано с перспективами модернизации экономики и политической системы. В целом же, с одной стороны, Китай является фактором стабильности, в том числе в примыкающих к российским границам районах Центральной Азии. С другой – он остается фактором неопределенности в мировой политике.

Перспективы формирования эффективной глобальной "коалиции заинтересованных" в стабильности и безопасности в немалой степени зависят от России. Наша страна является постоянным членом Совета Безопасности ООН и, что может быть еще важнее, – полноправным участником "большой восьмерки". Россия обладает вторым по величине арсеналом ядерного оружия, лишь незначительно уступая по этому пара метру Соединенным Штатам Америки. И хотя в современных условиях роль ядерного оружия существенно сократилась по сравнению со временем "холодной войны", российский ядерный потенциал является существенным элементом соотношения военных сил на мировой арене и сегодня, и в перспективе. Но еще более важным является геополитическое положение России в качестве центрального компонента евразийской; военно-политической системы. Вместе с тем, роль России в мировой политике, в том числе в формирующейся глобальной антитеррористической коалиции, зависит от того, насколько успешно будут преодолены тяжелые системные последствия 70-летнего коммунистического периода, в том числе в области внешней политики.

Падение коммунистического режима создало предпосылки для решения актуальных экономических и политических проблем России. Появилась возможность выхода общества из стратегического тупика, в котором оно оказалось в результате грандиозной и трагической попытки осуществить на первый взгляд привлекательную, но на деле катастрофическую социальную утопию левого толка.

Переход к демократии и рыночной экономике, бесповоротный выбор новой системы открыли также перспективу конструктивного участия России в международных усилиях по строительству стабильного мирового порядка, стимулирующего технологический прогресс, экономическую и социальную модернизацию страны.

Вместе с тем, крушение коммунистической системы не могло не сопровождаться острыми кризисными явлениями в экономике, политике и общественном сознании. Одни из них были неизбежны, другие – вызваны непоследовательным проведением в жизнь экономических и политических реформ в результате обстоятельств субъективного порядка, в том числе давления различных лоббистских групп и кланов. Крайне негативную роль играла и во многом играет до сих пор унаследованная от советского прошлого структура экономики, в которой имеются обширные анклавные, не способные, по сути дела, адаптироваться к рыночным условиям. В итоге 1990-е годы были периодом тяжелого экономического спада и политической нестабильности. Одновременно во внешней политике России накапливались алармистские настроения и подозрительность по отношению к Западу, усиливались другие стереотипы, унаследованные от советского прошлого.

Положение стало меняться к лучшему в первые годы XXI века. Имеет место устойчивый экономический рост, повысилась политическая стабильность, укрепились государственные институты. Это создает практическую возможность для перехода к новому этапу развития страны, что в настоящее время несколько затормозилось в результате влияния мирового финансового кризиса. Содержание этого этапа – модернизация экономики, политической системы и вооруженных сил. Успех – или его отсутствие – в

решении этих общенациональных задач будет определять место России в глобальной системе первой половины XXI века, ее конкурентоспособность и, более того, жизнеспособность.

В свою очередь, внешняя политика может и должна содействовать модернизации страны и реалиям складывающейся на мировой арене ситуации. Для этого она должна ориентироваться на достижение четко выверенной системы целей, учитывающих движущие силы и механизмы эволюции международных отношений. В частности, нарастание угроз, типичных для начала XXI века, предопределяет особое значение обеспечения безопасности в системе внешнеполитических приоритетов. Если внешняя политика будет исходить из устаревших представлений, процесс модернизации и повышения конкурентоспособности страны будет затруднен и даже заблокирован,

На протяжении 1990-х годов концептуальные основы российской внешней политики претерпевали серьезную эволюцию. В первые годы после крушения Советского Союза линия России на мировой арене исходила из представления не только о желательности, но и о возможности быстрого и безболезненного "включения" страны в геополитическую и геоэкономическую систему мира. В российском внешнеполитическом сообществе доминировали представления о том, что распад коммунистического режима является не только необходимым, но и достаточным условием превращения России в привилегированного партнера, а затем и союзника ведущих западных государств.

Для оптимистических ожиданий были определенные основания. Например, на удивление быстро, по сравнению с предыдущими соглашениями по контролю над стратегическими вооружениями, был разработан и в январе 1993 года подписан российско-американский Договор СНВ-2, открывавший путь к глубоким сокращениям ядерных арсеналов двух государств. По инициативе американских сенаторов Нанна и Лугара была начата масштабная программа совместного уменьшения угрозы. Россия и США активно и в целом плодотворно начали было сотрудничать с тем, чтобы совместно создавать системы ПРО в Центральной Европе на основе имеющихся российских комплексов.

Однако к настоящему времени ситуация в отношениях России и западных государств заметно осложнилась. Тяжелый финансово-экономический кризис и политическая нестабильность, непреодоленный ценностный разрыв, рост влияния левой и националистической оппозиции изменили образ России в глазах западных политиков и аналитиков. Она стала рассматриваться не как потенциальный партнер, но, скорее, как "больной человек Евразии", как некая "серая зона", откуда исходят угрозы, порожденные организованной преступностью, распадом системы государственного управления, отсутствием гражданского общества и потерей контроля над оружием массового уничтожения.

В России также нарастало разочарование. Несбывшиеся ожидания провоцировали пересмотр внешнеполитических установок. Запад все более воспринимается как исторический соперник, а иногда и как имманентный противник России, заинтересованный в ее ослаблении и даже распаде. Все шире распространяются заимствованные у, казалось бы, бесповоротно и заслуженно забытых российских философов ультраконсервативного толка представления о "духовной" или культурно-цивилизационной несовместимости России и Европы. Этими настроениями не замедлили воспользоваться те круги российского истеблишмента, для которых сближение с Западом означало сокращение экономических позиций, потерю политического влияния и общественного статуса. В частности, левая и националистическая оппозиция увидела в трудностях, возникших в отношениях с ведущими западными странами, еще одну возможность для критики высшего политического руководства, обвиняя его в недооценке угроз, исходящих якобы от США, НАТО и других западных стран и институтов.

В такой эмоциональной и интеллектуальной атмосфере неизбежные расхождения и несовпадения интересов России и ведущих государств Запада стали восприниматься как проявления неразрешимого конфликта, обусловленного глубокими системными характеристиками мировой геополитики. Расширение НАТО на ВОСТОК было воспринято как угроза национальной безопасности и предпосылка изоляции России от Европы, события в бывшей Югославии высветили противоречия, связанные с гуманитарными

интервенциями, ролью ООН и ее Совета Безопасности в решении вопросов войны и мира, ограниченностью национального суверенитета в условиях нарастающей глобализации и некоторые другие. Косовский кризис 2008 года, принятие в НАТО государств Балтии и подготовка США к созданию новых систем ПРО, нацеленных, по сути, на Россию, прямая военная поддержка авантюристической политики руководства Грузии вплотную подвели отношений между Россией и НАТО, а также Россией и США к порогу новой "холодной войны". В этой связи Д.А.Медведев отметил, что события вокруг Южной Осетии показали потворство со стороны США вооружению грузинского режима, в том числе под флагом гуманитарной помощи. "Россия никому не позволит посягать на жизнь и достоинство своих граждан. Россия – государство, с которым впредь будут считаться!".

Выход из опасного тупика, в котором оказалась внешняя политика России, требовал не только практических действий, но и выработки новой внешнеполитической философии. Последняя была сформулирована президентом Медведевым в Послании Федеральному Собранию 2008 г. и учитывала как утопичный характер ожиданий, характерных для начала прошлого десятилетия, так и опасность конфронтационной стратегии, утвердившейся в российской линии на международной арене в последние годы. Примером выхода из тупика "холодной войны" является план Медведев-Саркози по разрешению кризиса на Кавказе и вокруг него.

Исходным положением внешнеполитической концепции является тезис о том, что российская политика на международной арене должна быть прагматичной, ориентироваться на экономическую эффективность и приоритет национальных задач.

Все три компонента этой формулы – прагматизм, национальные интересы и экономическая эффективность дополняют и уточняют друг друга. В частности, прагматизм как философская и политическая система предполагает, прежде всего, отказ от идеологических моделей, критериев и установок и от восприятия желаемого как действительного, ориентацию на здравый смысл, трезвый учет не только собственных интересов, но и собственных потенциалов. Основанный на таких посылах подход к формированию внешней политики неизбежно привел к фактическому отказу от утопических и упрощенных представлений, характерных как для первой, так и для второй половины XX века.

Прагматический подход предопределяет, в частности, реалистическое восприятие внешнего мира, формирует адекватное представление о национальных интересах и об угрозах безопасности страны. Последнее имеет ключевое значение для выработки стратегических установок внешней и военной политики, поскольку их главная задача как раз и состоит в нейтрализации внешних угроз и вызовов. С этой точки зрения, необходимо оценивать результаты работы семи членов Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ) в Москве в сентябре 2008 г. Главное внимание было уделено отношениям с Западом. Страны ОДКБ предостерегли НАТО от расширения на восток и размещения ПРО вблизи зоны своих интересов и объявили о планах наращивать военную составляющую организации.

В первых строках принятой Декларации лидеры стран ОДКБ известили мировое сообщество о том, что отныне они "полны решимости придерживаться тесной координации внешнеполитического взаимодействия, линии на поступательное развитие военного и военнотехнического сотрудничества, совершенствования практики совместной работы по всем вопросам". Заявив о твердом намерении обеспечивать безопасность в зоне своей ответственности, члены ОДКБ предостерегли от посягательств на эту зону: "Серьезный конфликтный потенциал накапливается в непосредственной близости от зоны ответственности ОДКБ. Члены ОДКБ призывают страны НАТО взвесить все возможные последствия расширения альянса на Восток и размещения новых объектов ПРО у границ государств – членов".

К проблемам общемировой повестки дня относятся иранская ядерная программа, которую необходимо решать посредством переговоров; ситуация в Афганистане, где необходимо добиваться стабилизации; распространение ракет средней и малой дальности, которые следует полностью запрещать.

Сразу после событий 11 сентября 2001 года Россия приняла стратегическое решение поддержать Соединенные Штаты, ставшие жертвой беспрецедентного террористического акта, содействовать им в операции против режима Талибан в Афганистане. Не секрет, что осенью 2001 года в российских политических и военных кругах существовали и иные оценки и подходы. Например, предлагалось занять нейтралитет в надвигающейся войне против исламских экстремистов, контролировавших тогда Афганистан. Говорилось о необходимости противостоять появлению войск западных государств в странах Центральной Азии. Жизнь подтвердила правильность принятого решения. Оно, помимо всего прочего, стало основой для конструктивного участия России в международной антитеррористической коалиции, заложило основу для сотрудничества России и США не только по вопросам борьбы с терроризмом, но и по другим актуальным проблемам международной безопасности. В Послании Федеральному Собранию президент Д.Медведев подчеркнул, что Россия настроена на позитивное сотрудничество. Мы "хотим действовать против общих угроз, хотим действовать совместно".

При этом внешнеполитический курс РФ далек от идеалистических представлений. В частности, он свободен от иллюзий относительно подлинного характера отношений с Западом, в которых сотрудничество в одних областях – там, где интересы совпадают, – сочетается с соперничеством и конкуренцией. Последняя, впрочем, типична далеко не только для отношений России и ее западных партнеров. Взаимоотношения на мировой арене в целом характеризуются острой конкуренцией за рынки, инвестиции, экономическое и политическое влияние. В итоге, место России в мировой системе определяется и будет определяться ее способностью преодолеть нынешнюю слабость, модернизировать общество, политическую систему, экономику и вооруженные силы. При этом Россия не может и не должна изолировать себя от окружающего мира.

В свете этого внешняя политика России должна быть нацелена на содействие решению общенациональных задач. К их числу относятся повышение конкурентоспособности нашей экономики, кардинальное увеличение ВВП, дальнейшая интеграция России в мировую хозяйственную систему. В качестве приоритетов внешней политики названы защита национальных экономических интересов, повышение инвестиционной привлекательности России, противодействие дискриминации на внешних рынках.

К ключевым элементам внешнеполитической линии относится положение о многовекторном характере российской внешней политики. По сути дела, речь идет о том, что Россия должна выстраивать конструктивные отношения со всеми теми государствами, которые представляют для России интерес, решая в каждом конкретном случае конкретные важные для России проблемы. Ключевыми элементами внешнеполитической стратегии России стали прагматическое восприятие внешнего мира и национальных интересов страны с точки зрения ее безопасности; адекватное представление о необходимости коренного пересмотра архитектуры международной безопасности; геоэкономическая ориентация и замена "однополярной" стратегии многовекторной. Актуальной задачей сегодня является полное претворение в жизнь обновленных стратегических установок с тем, чтобы в максимальной мере использовать открывающиеся международно-правовые возможности в интересах России.

¹ Жиль Кепель. Джихад. Экспансия и закат исламизма.- М.: "Ладомир".-2004.-с.9

² Иммануэль Валлерстайн. Конец знакомого мира. Социология XXI века.-М.: "Логос".-2003.-с.5-6

³ Так, на протяжении многих лет США ежегодно вкладывают в военные НИОКР около 12 миллиардов долларов ежегодно. Другие страны НАТО в совокупности тратят на эти цели около 3 миллиардов долларов в год. См.: Donald C. Daniel. NATO Technology: From Gap to Divergence.-Defense Horizons.-Center for Technology and National Security Policy.-National Defense University.-July 2004.-P.2-3

